

ДУХОВНОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА *)

Все въ современномъ мірѣ находится подъ знакомъ кризиса, не только соціального и экономического, но также и культурнаго, но и духовнаго кризиса, все стало проблематическимъ. Это острѣ всего сознается въ Германіи и объ этомъ много пишутъ. Какъ относятся христіане къ агоніи міра, какъ должны относиться? Есть ли это только кризисъ міра внѣхристіанскаго и антихристіанскаго, измѣнившаго христіанской вѣрѣ, или это также кризисъ христіанства? И христіане раздѣляютъ судьбу міра. Они не могутъ дѣлать вида, что въ христіанствѣ, въ христіанскомъ человѣчествѣ все обстоитъ благополучно и что ничто въ мірѣ происходящее его не затрагиваетъ. На христіанскій міръ, на христіанское движеніе падаетъ тяжелая отвѣтственность. Надъ міромъ совершается судъ и онъ есть также судъ надъ историческимъ христіанствомъ. Болѣзни современнаго міра связаны не только съ отпаденіемъ отъ христіанства, съ охлажденіемъ вѣры, но и съ застарѣлыми болѣзнями христіанства въ его человѣческой сторонѣ. Христіанство универсально по своему значенію и все находится въ его орбитѣ, ничто не можетъ быть для него вполнѣ внѣшнимъ. И христіане должны понять духовное состояніе современнаго міра изъ самаго христіанства, опредѣлить, что значитъ кризисъ міра, какъ событіе внутри христіанства, внутри христіанской универсальности. Міръ пришелъ въ жидкое состояніе, въ немъ нѣтъ больше твердыхъ тѣлъ, онъ переживаетъ революціонную эпоху и внѣшне и внутренне, эпоху духовной анархіи. Человѣкъ живетъ въ страхѣ (Angst) болѣе чѣмъ когда-либо, подъ вѣчной угрозой, виситъ надъ бездной (Grenzsituation Тиллиха). Современный европейскій чело-

*) Докладъ прочитанный въ маѣ 1931 г. на съѣздѣ лидеровъ Мировой Христіанской Федерациі въ Bad Boll.

вѣкъ потерялъ вѣру, которой онъ пытался въ прошломъ вѣкъ замѣнить христіанскую вѣру. Онъ не вѣритъ больше въ прогрессъ, въ гуманизмъ въ спасительность науки, въ спасительность демократіи, онъ сознаетъ неправду капиталистическаго строя и извѣрился въ утопіи совершеннаго соціального строя. Современная Франція извѣдена культурнымъ скепсисомъ, въ современной Германіи кризисъ опрокидываетъ всѣ цѣнности. И вся Европа потрясена невѣроятными событіями происходящими въ совѣтской Россіи, охваченной новой вѣрой, новой религіей, враждебной религіи христіанской. Характерно для современной Европы возникновеніе новыхъ формъ пессимистической философіи, по сравненію съ которой пессимизмъ Шопенгауера представляется утѣшительнымъ и невиннымъ. Такова философія Гейдеггера, для которой бытіе падшее по своей сущности, но ни отъ кого не отпавшее, міръ безнадежно грѣховенъ, но Бога нѣтъ, сущность мірового бытія есть забота. Властителемъ думъ современной средней Европы является меланхолическій, мрачный, трагическій Кирхегардтъ. Его ученіе объ Angst сдѣлалось очень популярнымъ, оно выражаетъ сейчасъ состояніе міра, положеніе человека. Наиболѣе интереснымъ и значительнымъ теченіемъ теологической и религіозной мысли является бартіанство, которое охвачено исключительнымъ и острымъ чувствомъ грѣховности человека и міра и христіанство понимаетъ исключительно эсхатологически. Теченіе это есть религіозная реакція противъ либерально-гуманистическаго, романтическаго протестантизма прошлаго вѣка. Такая же реакція противъ либерализма, романтизма, модернизма обнаруживается въ католичествѣ, которое пытаются сейчасъ спасти отъ модернистическихъ опасностей и укрѣпить возвратомъ къ Томѣ Аквинтату. Томизмъ есть не только официальная философія католической церкви, онъ сталъ также культурнымъ теченіемъ и захватываетъ католическую молодежь. Но и бартіанство и томизмъ унижаетъ человека. Тяготѣніе къ авторитаризму и къ восстановленію традиціи есть обратная сторона анархіи и хаоса міра. Въ западномъ христіанствѣ ослабла вѣра въ человека, въ его творческую силу, въ его дѣло въ мірѣ. Въ соціально-политическихъ движеніяхъ преобладаютъ принципы насилія и авторитета, умаленіе свободы человека, — въ коммунизмѣ, въ фашизмѣ, въ національ-соціализмѣ, торжествуетъ новую побѣду матеріализмъ экономическій и расовый. Человекъ какъ будто бы усталъ отъ духовной свободы и готовъ отказаться отъ нея во имя силы, которая устроитъ его жизнь, внутренне и внѣшне. Человекъ усталъ отъ самага себя, отъ человека, извѣрился въ человекѣ и хочетъ опереться на сверхчеловѣческое, хотя бы это сверхчеловѣческое было соціальнымъ коллективомъ. Многіе старые кумиры низвергнуты

нашимъ временемъ, но много новыхъ кумировъ создается. Человѣкъ такъ устроенъ, что онъ можетъ жить или вѣрой въ Бога или вѣрой въ идеалы и кумиры. Въ сущности человѣкъ не можетъ быть послѣдовательнымъ и окончательнымъ атеистомъ. Отпадая отъ вѣры въ Бога онъ впадаетъ въ идолатрію. Идолотвореніе и идолопоклоненіе мы видимъ во всѣхъ областяхъ — въ наукѣ, въ искусствѣ, въ государственной, національной, социальной жизни. Такъ напр. коммунизмъ есть крайняя форма социальной идолатріи.

У современнаго европейца ослабѣла всякая вѣра. Онъ болѣе свободенъ отъ оптимистическихъ иллюзій, чѣмъ человѣкъ XIX вѣка, и поставленъ передъ оголенными, неприкрашенными, суровыми реальностями. Но въ одномъ отношеніи современный человѣкъ оптимистиченъ и полонъ вѣры, у него есть кумиръ, которому все приносится въ жертву. Тутъ мы подходимъ къ очень важному моменту въ духовномъ состояніи современнаго міра. Современный человѣкъ вѣритъ въ могущество техники, машины, иногда кажется, что это единственное, во что еще вѣритъ. Для его оптимизма въ этомъ отношеніи есть, казалось-бы, очень серьезныя основанія. Головокружительные успѣхи техники въ нашу эпоху есть настоящее чудо грѣховнаго природнаго міра. Человѣкъ потрясенъ и подавленъ могуществомъ техники, перевернувшей всю его жизнь. Человѣкъ самъ ее создалъ, она продуктъ его генія, его разума, его изобрѣтательности, она дѣтище человѣческаго духа. Человѣку удалось расковать скрытыя силы природы и использовать ихъ для своихъ цѣлей, внести телеологическій принципъ въ дѣйствіе силъ механико-физико-химическихъ. Но овладѣть результатами своего дѣла человѣку не удалось. Техника оказалась сильнѣе самого человека, она подчинила его себѣ. Техника есть единственная сфера оптимистической вѣры современнаго человека, самое большее его увлеченіе. Но она же приноситъ человеку много горечи и разочарованій, она поработачаетъ человека, ослабляетъ его духовность, угрожаетъ ему гибелью. Кризисъ нашего времени въ значительной степени порожденъ техникой, съ которой человѣкъ не въ силахъ справиться. И это кризисъ прежде всего духовный. Для нашей темы важно подчеркнуть, что христіане оказались совершенно неподготовленными для оцѣнки техники и машины, для пониманія ея мѣста въ жизни. Христіанское сознаніе не знаетъ, какъ отнестись къ огромному міровому событію, связанному съ введеніемъ въ человѣческую жизнь машины и техники. Природный міръ, въ которомъ въ прошломъ привыкъ жить человѣкъ, уже не представляется вѣчнымъ порядкомъ. Человѣкъ живетъ въ новомъ мірѣ, совсѣмъ не томъ, въ которомъ совершилось христіанское откровеніе, въ которомъ жили апостолы,

учителя церкви, святые, съ которымъ связана символика христіанства. Христіанство представлялось очень связаннымъ съ землей, съ патріархальнымъ строемъ жизни. Но техника оторвала человѣка отъ земли, она окончательно разрушила патріархальный строй. Христіане могутъ жить и дѣйствовать въ этомъ мѣрѣ, въ которомъ все непрерывно мѣняется, въ которомъ нѣтъ уже ничего устойчиваго, благодаря привычному христіанскому дуализму. Христіанинъ привыкъ жить въ двухъ ритмахъ, въ ритмѣ религіозномъ и ритмѣ мірскомъ. Въ ритмѣ мірскомъ онъ участвуетъ въ технизаціи жизни, религіозно не освященной, въ ритмѣ же религіозномъ, въ немногіе дни и часы своей жизни, онъ уходитъ отъ міра къ Богу. Но остается неяснымъ, что религіозно означаетъ этотъ вновь образующійся мѣръ. Долгое время технику считали наиболѣе нейтральной сферой, религіозно безразличной, наиболѣе удаленной отъ вопросовъ духовныхъ и потому невинной. Но это время прошло, хотя и не всѣ это замѣтили. Техника перестала быть нейтральной. Вопросъ о техникѣ сталъ для насъ духовнымъ вопросомъ, вопросомъ о судьбѣ человѣка, о его отношеніи къ Богу. Техника имѣетъ безмѣрно болѣе глубокое значеніе, чѣмъ обычно о ней думаютъ. Она имѣетъ космогоническое значеніе, она создаетъ совершенно новую дѣйствительность. Ошибочно думать, что дѣйствительность порождаемая техникой, есть старая дѣйствительность міра физическаго, дѣйствительность изучаемая механикой, физикой, химіей. Это дѣйствительность, которой не было въ исторіи міра до открытій и изобрѣтеній совершенныхъ человѣкомъ. Человѣку удалось создать новый мѣръ. Машина не есть механика. Въ машинѣ присутствуетъ разумъ человѣка, въ ней дѣйствуетъ телеологическій принципъ. Техника создаетъ атмосферу, насыщенную энергіями, которыя были ранѣе скрыты въ глубинѣ природы. И человѣкъ не увѣренъ, что онъ въ состояніи будетъ дышать въ этой новой атмосферѣ. Въ прошломъ привыкъ онъ дышать инымъ воздухомъ. Еще не выяснено, что принесетъ для человѣческаго организма та электрическая атмосфера, въ которую онъ себя ввергъ. Техника даетъ въ руки человѣка страшную, небывалую силу, силу, которой можетъ быть истреблено человечество. Прежнія орудія, находившіяся въ рукахъ человѣка, были игрушечными. И ихъ можно было еще считать нейтральными. Но когда дана такая страшная сила въ руки человѣка, тогда судьба человечества зависитъ отъ духовнаго состоянія человѣка. Уже одна истребительная техника войны, грозящая почти космической катастрофой, ставитъ духовную проблему техники во всей остротѣ. Техника есть не только власть человѣка надъ природой, но и власть человѣка надъ человѣкомъ, власть надъ жизнью людей. Техника можетъ быть обращена на служе-

ніе Богу, но можетъ быть обращена и на служеніе діаволу. Но именно поэтому она не нейтральна. Именно въ наше матеріалистическое время все приобрѣтаетъ духовное значеніе, все становится подѣ знакомъ духа. Техника, порожденная духомъ, матеріализируетъ жизнь, но она же можетъ способствовать и освобожденію духа, освобожденію отъ сращенности съ матеріально-органической жизнью. Она можетъ способствовать и одухотворенію.

Техника означаетъ переходъ всего человѣческаго существованія отъ организма къ организаціи. Человѣкъ не живетъ болѣе въ органическомъ строѣ. Человѣкъ привыкъ жить въ органической связи съ землей, растеніями и животными. Великія культуры прошлаго были еще окружены природой, любили сады, цвѣты и животныхъ, онѣ не порвали еще съ ритмомъ природы. Чувство земли породило теллурическую мистику (объ этомъ есть замѣчательныя мысли у Бахофена). Человѣкъ изъ земли вышелъ и въ землю возвращается. Съ этимъ связана глубокая религіозная символика. Огромную роль играли культы растительные. Органическая жизнь человѣка и человѣческихъ обществъ представлялась жизнью подобной растительной. Органической была жизнь семьи, корпораціи, государства, церкви. Общество уподоблялось организму. Романтики начала XIX в. особенное значеніе придавали организму и органическому. Отъ нихъ идетъ идеализація всего органическаго и вражда къ механическому. Организмъ рождается, а не творится человекомъ, онъ есть порожденіе природной, космической жизни, въ немъ цѣлое не слагается изъ частей, а предшествуетъ частямъ и опредѣляетъ ихъ жизнь. Техника отрываетъ человѣка отъ земли, переноситъ въ міровыя пространства, даетъ человеку чувство планетарности земли. Техника радикально мѣняетъ отношеніе человѣка къ пространству и времени. Она враждебна всякой органической воплощенности. Въ технической періодъ цивилизаціи человѣкъ перестаетъ жить среди животныхъ и растеній, онъ ввергается въ новую холодно-металлическую среду, въ которой нѣтъ уже животной теплоты, нѣтъ горячей крови. Власть техники несетъ съ собой ослабленіе душевности въ человѣческой жизни, душевнаго тепла, уюта, лирики, печали, всегда связанной съ душой, а не съ духомъ. Техника убиваетъ все органическое въ жизни и ставитъ подѣ знакомъ организаціи все человѣческое существованіе. Неизбѣжность перехода отъ организма къ организаціи есть одинъ изъ источниковъ современнаго кризиса міра. Не такъ легко оторваться отъ органическаго. Машина съ холодной жестокостью отрываетъ духъ отъ сращенностью съ органической плотью, съ растительно-животной жизнью. И это прежде всего сказывается въ ослабленіи чисто душевнаго эле-

мента въ человѣческой жизни, въ разложеніи цѣлостныхъ человѣческихъ чувствъ. Мы вступаемъ въ суровую эпоху духа и техники. Душа, связанная съ органической жизнью, оказалась очень хрупкой, она сжимается отъ жестокихъ ударовъ, которые ей наноситъ машина, она истекаетъ кровью и иногда кажется, что она умираетъ. Мы воспринимаемъ это какъ роковой процессъ технизаціи, механизациі, матеріализациі жизни. Но духъ можетъ противиться этому процессу, можетъ овладѣть имъ, можетъ вступить въ новую эпоху побѣдителемъ. Это есть основная проблема. Организація, къ которой переходитъ міръ, организація огромныхъ человѣческихъ массъ, организація техники жизни, организація хозяйства, организація научной дѣятельности и т. д. очень тяжела для душевной жизни человѣка, для интимной жизни личности, она порождаетъ внутренній религіозный кризисъ. Элементы организаціи существовали съ самой заріи человѣческой цивилизаціи, какъ всегда существовали элементы техники, но никогда принципъ технической организаціи не былъ господствующимъ и всеобъемлющимъ, всегда многое оставалось въ состояніи органическомъ, растительномъ. Организація, связанная съ техникой, есть раціонализація жизни. Но человѣческая жизнь не можетъ быть окончательно и безъ остатка раціонализована, всегда остается ирраціональный элементъ, всегда остается тайна. Универсальный принципъ раціонализаціи получаетъ возмездіе. Раціонализація, не подчиняющаяся высшему духовному началу, порождаетъ ирраціональныя послѣдствія. Такъ въ жизни экономической мы видимъ, что раціонализація порождаетъ такое ирраціональное явленіе, какъ безработица. Въ совѣтской Россіи раціонализація жизни принимаетъ формы напоминающія коллективное безуміе. Универсальная раціонализація, техническая организація, отвергающая таинственныя основы жизни, порождаетъ утерю стараго смысла жизни, тоску, склонность къ самоубійству. Человѣкъ увлеченъ созданной имъ техникой, но самъ онъ не можетъ превратиться въ машину. Человѣкъ организаторъ жизни, но самъ онъ въ глубинѣ своей не можетъ быть предметомъ организаціи, въ немъ самомъ всегда остается элементъ органической, ирраціональной, таинственной. Раціонализація, технизація, машинизація всей человѣческой жизни и самой человѣческой души не можетъ не вызвать противъ себя реакціи. Эта реакція существовала въ XIX в. Романтики всегда протестовали противъ власти техники, разлагающей органическую цѣлостность, призывали къ природѣ, къ стихійной основѣ въ человѣкѣ. Рѣзкимъ протестантомъ противъ техники былъ Рескинъ, онъ не хотѣлъ даже примириться съ желѣзной дорогой и ѣздилъ въ экипажѣ параллельно желѣзнодорожному пути. Романтическая реакція противъ техники

понятна и даже необходима, но она бессильна, она не рѣшаетъ проблемы, или рѣшаетъ слишкомъ легко. Возвратъ къ прежнему къ органическому быту, къ патріархальнымъ отношеніямъ, къ старымъ формамъ сельскаго хозяйства и ремесламъ, къ жизни съ природой, съ землей, растеніями и животными невозможенъ. Да и возражать этотъ нежелателенъ, онъ связанъ былъ съ эксплуатаціей людей и животныхъ. Въ этомъ трагизмъ положенія. И остается только духу творчески опредѣлить свое отношеніе къ техникѣ и къ новой эпохѣ, овладѣть техникой во имя своихъ цѣлей. Христіанство должно творчески опредѣлить отношеніе къ новой дѣйствительности. Оно не можетъ быть слишкомъ оптимистичнымъ. Но не можетъ и уйти отъ суровой дѣйствительности. Это предполагаетъ напряженіе духовности, усиленіе внутренней духовной жизни. Душевный сентиментализмъ въ христіанствѣ становится уже невозможнымъ. Душевная эмоциональность не выноситъ суровой дѣйствительности. Безстрашіе возможно лишь для закаленная, суроваго духа. Духъ можетъ быть организаторомъ, онъ можетъ владѣть техникой для своихъ духовныхъ цѣлей, но онъ будетъ сопротивляться превращенію его въ орудіе организаторскаго техническаго процесса. Въ этомъ трагедія духа.

Другая сторона процесса, порождающаго современную кризисъ культуры, есть вступленіе въ культуру огромныхъ чело-вѣческихъ массъ, демократизація происходящая въ очень широкихъ масштабахъ. Въ культурѣ есть начало аристократическое и начало демократическое. Безъ начала аристократическаго, безъ подбора качествъ высота и совершенство никогда не были бы достигнуты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ культура распространяется въ ширь, къ ней приобщаются все новые социальныя слои. Это процессъ неизбежный и справедливый. Въ культурѣ нашего времени утеряна всякая органическая цѣлостность, всякая іерархичность, въ которой высшая ступень чувствуетъ свою неразрывную связь съ низшей ступеню. Въ культурной элитѣ нашей эпохи исчезло сознаніе служенія сверхличной цѣли, великому цѣлому. Идея служенія вообще ослабѣла съ эпохи Ренессанса, ей противоположны господствующія либеральныя и индивидуалистическія идеи. Пониманіе жизни, какъ служеніе сверхличной цѣли, есть религіозное пониманіе жизни. Это пониманіе не свойственно современнымъ дѣятелямъ культуры. Поразительно, что идея служенія сверхличной цѣли въ извращенной формѣ вновь возникла въ русскомъ коммунизмѣ, но сама сверхличная цѣль оказалась безбожной. Культурный слой современной Европы не имѣетъ широкаго и глубокаго социальнаго базиса, онъ оторванъ отъ массы, которыя претендуютъ на все большій и большій удѣльный вѣсъ въ социальной

жизни, въ дѣланіи исторіи. Культурный слой, гуманистическій по своему міросозерцанію, безсиленъ дать массамъ идеи и цѣнности, которыя могли бы ихъ вдохновить. Гуманистическая культура хрупка и она не можетъ противостоять большимъ массовымъ процессамъ, которые ее опрокидываютъ. Гуманистическая культура принуждена сжиматься и уединяться. Массы легко усваиваютъ себѣ вульгарный матеріализмъ и внѣшнюю техническую цивилизацію, но не усваиваютъ себѣ высшей духовной культуры, они легко переходятъ отъ религіознаго міросозерцанія къ атеизму. И этому способствуютъ тягостныя ассоціація, связывающія христіанство съ господствующими классами и съ защитой несправедливаго соціального строя. Массами владѣютъ идеи-миѳы, вѣрованія религіозныя или вѣрованія соціально-революціонныя, но не владѣютъ идеи культурно-гуманистическія. Конфликтъ аристократическаго и демократическаго начала, количества и качества, высоты и широты неразрѣшимъ на почвѣ безрелигіозной гуманистической культуры. Въ этомъ конфликтѣ аристократическій культурный слой нерѣдко чувствуетъ себя умирающимъ, обреченнымъ. Процессъ технизаціи, механизаци и процессъ массовой демократизаци ведетъ къ перерожденію культуры въ техническую цивилизацію, вдохновленную матеріалистическимъ духомъ. Обездушиваніе людей, превращеніе людей въ машины, а человѣческаго труда въ товаръ есть порожденіе индустріального капиталистическаго строя, передъ которымъ христіанство растерялось. Неправда капиталистическаго строя находитъ себѣ справедливую кару въ коммунизмѣ. Процессъ коллективизаци, въ которомъ исчезаетъ человѣческая личность, происходитъ уже въ капитализмѣ. Матеріалистическій коммунизмъ хочетъ только закончить это дѣло. Это ставитъ во всей остротѣ передъ христіанскимъ сознаніемъ соціальную проблему, проблему болѣе справедливаго, болѣе человѣчнаго соціального строя, проблему одухотворенія и христіанизаци соціального движенія и рабочихъ массъ. Проблема культуры есть сейчасъ соціальная проблема и внѣ ея неразрѣшима. Столкновеніе аристократическаго и демократическаго начала культуры разрѣшимо лишь на почвѣ христіанства, ибо христіанство и аристократично и демократично, оно утверждаетъ благородство дѣтей Божьихъ и зоветъ вверхъ, къ совершенству, къ высшему качеству, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно обращено ко всѣмъ, ко всякой человѣческой душѣ. Оно требуетъ пониманія жизни, какъ служенія, какъ служенія сверхличной цѣли, сверхличному цѣлому. Судьба культуры зависитъ отъ духовнаго состоянія рабочихъ массъ, отъ того, будутъ ли онѣ вдохновлены христіанской вѣрой или атеистическимъ матеріализмомъ, какъ и отъ того, будетъ ли техника подчинена духу и духовнымъ цѣлямъ или станетъ окон-

чательно господиномъ жизни. Самое пагубное, когда христіане становятся въ позу реакціи противъ движенія рабочихъ массъ и противъ завоеваній техники вмѣсто того, чтобы одухотворять и облагораживать происходящіе въ мірѣ процессы, подчинять ихъ высшей цѣли.

Съ ростомъ могущества техники и съ массовой демократизаціей культуры связана основная проблема кризиса, особенно безпокойная для христіанскаго сознанія, — проблема личности и общества. Личность, стремящаяся къ эмансипаціи, все болѣе и болѣе оказывается подавленной обществомъ, обобществленной, коллективизированной. Это есть результатъ «эмансипирующей» технизации и демократизации жизни. Уже индустриально-капиталистическій строй, основавшій себя на индивидуализмъ и атомизмъ, привелъ къ подавленію личности, къ безличности и анонимности, къ коллективному, массовому стилю жизни. Матеріалистическій коммунизмъ, возставшій противъ капитализма, окончательно уничтожаетъ личность, растворяетъ ее въ социальномъ коллективѣ, отрицаетъ личное сознаніе, личную совѣсть, личное сужденіе. Личность въ чловѣкѣ, которая есть въ немъ образъ и подобіе Божье, разлагается, распадается на элементы, теряетъ свою цѣлостность. Это можно наблюдать въ современной литературѣ и искусствѣ, напр. въ романахъ Пруста. Процессы, происходящіе въ современной культурѣ, грозятъ личности гибелью. Трагическій конфликтъ личности и общества не разрѣшимъ на почвѣ внѣрелигіозной. Міръ утерявшій вѣру, дехристіанизированный или уединяетъ личность, отрываетъ отъ общества, погружаетъ ее въ себя безъ возможности выхода къ сверхличнымъ цѣлямъ, къ общенію съ другими или окончательно подчиняетъ и поработачиваетъ личность обществу. Только христіанство въ принципѣ разрѣшаетъ мучительную проблему отношенія личности и общества. Христіанство дорожитъ прежде всего личностью, индивидуальной чловѣческой душой и ея вѣчной судьбой, оно не допускаетъ отношенія къ личности, какъ къ средству для цѣлей общества, оно признаетъ безусловную цѣнность всякой личности. Духовная жизнь личности непосредственно связываетъ ее съ Богомъ и она есть предѣлъ власти общества надъ личностью. Но христіанство призываетъ личность къ общенію, къ служенію сверхличной цѣли, къ соединенію всякаго *я* и *ты* въ *мы*, къ коммуніону, если хотите даже къ коммунизму, но совершенно противоположному коммунизму матеріалистическому и атеистическому. Только христіанство можетъ защитить личность отъ грозящей ей гибели и только на почвѣ христіанства возможно внутреннее соединеніе личности съ другими въ общеніи, въ общности, въ которой личность не уничтожается, а осуществляетъ полноту своей жизни. Хри-

стіанство разрѣшаетъ конфликтъ личности и общества, создающій страшный кризисъ, въ третьемъ началѣ, сверхличномъ и сверхобщественномъ, въ Богочеловѣчествѣ, въ Тѣлѣ Христовомъ. Фелигіозная проблема личности и общества предполагаетъ разрѣшеніе соціальной проблемы нашей эпохи въ духѣ христіанскаго персоналистическаго соціализма, который возьметъ всю правду соціализма и отвергнетъ всю его ложь, его ложный духъ, ложное міровоззрѣніе, отрицающее не только Бога, но и человѣка. Только тогда можетъ быть спасена личность и качественная культура, высшая культура духа. Мы не имѣемъ основаній для большого оптимизма. Все слишкомъ далеко зашло. Вражда и ненависть слишкомъ велики. Грѣхъ, зло и неправда одерживаютъ слишкомъ большія побѣды. Но постановка творческихъ задачъ духа, но исполненіе долга не должны зависить отъ рефлексіи, вызванной оцѣнкой силъ зла, сопротивляющихся осуществленію правды. Мы вѣримъ, что мы не одни, что въ мірѣ дѣйствуютъ не только природныя человѣческія силы, добрыя и злыя, но и сверхприродныя, сверхчеловѣческія, благодатныя силы, помогающія тѣмъ, которыя дѣлаютъ дѣло Христово въ мірѣ, дѣйствуетъ Богъ. Когда мы говоримъ «христіанство», мы говоримъ не только о человѣкѣ и его вѣрѣ, но и о Богѣ, о Христѣ.

Технической и экономической процессъ современной цивилизаціи превращаетъ личность въ свое орудіе, требуетъ отъ нея непрерывной активности, использованіе каждаго мгновенія жизни для дѣйствія. Современная цивилизація отрицаетъ созерцаніе и грозитъ совершенно вытѣснить его изъ жизни, сдѣлать его невозможнымъ. Это будетъ значить, что человѣкъ перестанетъ молиться, что у него не будетъ больше никакого отношенія къ Богу, что онъ не будетъ больше видѣть красоты и безкорыстно познавать истину. Личность опредѣляется не только въ отношеніи къ времени, но и въ отношеніи къ вѣчности. Актуализмъ современной цивилизаціи есть отрицаніе вѣчности, есть порабощеніе человѣка временемъ. Ни одно мгновеніе жизни не является самоцѣннымъ, не имѣетъ отношенія къ вѣчности и къ Богу, всякое мгновеніе есть средство для послѣдующаго, должно какъ можно скорѣе пройти и замѣниться другимъ. Такого рода исключительный актуализмъ мѣняетъ отношеніе къ времени — происходитъ ускореніе времени, бѣшенная гонка. Личность не можетъ удержаться въ этомъ потокѣ времени, въ этой актуализаціи каждаго мгновенія, она не можетъ одуматься, не можетъ понять смыслъ своей жизни, ибо смыслъ всегда раскрывается лишь въ отношеніи къ вѣчности, потокъ времени самъ по себѣ безсмысленъ. Безспорно человѣкъ призванъ къ активности, къ труду, къ творчеству, онъ не можетъ быть лишь созерцате-

лемь. Міръ не есть лишь зрѣлище для человѣка. Человѣкъ долженъ преобразовать и организовать міръ, продолжать міротвореніе. Но человѣкъ остается личностью, образомъ и подобіемъ Божьимъ, не превращается въ средство безличнаго жизненнаго и общественнаго процесса лишь въ томъ случаѣ, если онъ есть точка пересѣченія двухъ міровъ, вѣчнаго и временнаго, если онъ не только дѣйствуетъ во времени, но и созерцаетъ вѣчность, если онъ внутренно опредѣляетъ себя въ отношеніи къ Богу. Это есть основной вопросъ современной актуальной цивилизаціи, вопросъ о судьбѣ личности, судьбѣ человѣка. Человѣкъ не можетъ быть только объектомъ, онъ есть субъектъ, онъ имѣетъ свое существованіе въ себѣ. Человѣкъ превращенный въ орудіе безличнаго актуальнаго процесса во времени не есть уже человѣкъ. Такъ можно мыслить соціальный коллективъ, но не личность. Въ личности всегда есть что-то независимое отъ потока времени и отъ общественнаго процесса. Удушеніе созерцанія есть удушеніе огромной части культуры, съ которой связана ея вершина и цвѣтеніе, — мистики, метафизики, эстетики. Чисто рабочая актуальная цивилизація превратитъ науку и искусство въ обслуживаніе производственнаго техническаго процесса. Мы это видимъ въ замыслѣ совѣтской коммунистической культуры. Это есть глубокий кризисъ культуры. Будущее человѣка, будущее культуры зависитъ отъ того, захочетъ ли человѣкъ хоть на мгновеніе освободиться, одуматься, осмыслить свою жизнь, обратить свой взоръ къ небу. Правда, идея труда и трудового общества есть великая и вполне христіанская идея. Аристократическая созерцательность привилегированнаго культурнаго слоя, освобожденнаго отъ участія въ трудовомъ процессѣ, часто бывала ложной созерцательностью и въ такой формѣ она врядъ ли имѣетъ мѣсто въ будущемъ. Но и всякій трудящійся человѣкъ, всякій человѣкъ имѣетъ мгновенія созерцанія, углубленія въ себя, молитвы и славословія Бога, видѣнія красоты, безкорыстнаго познанія міра. Созерцаніе и дѣйствіе могутъ и должны быть сопряжены въ цѣлостной личности и только ихъ соединеніе утверждаетъ и укрѣпляетъ личность. Личность цѣликомъ расходующая себя въ активности, въ процессѣ времени, истощается, въ ней прекращается притокъ духовной энергіи. При этомъ активность понимается обыкновенно не по евангельски, не какъ служеніе ближнимъ, а какъ служеніе кумирамъ. Литургическій кругъ религіозной жизни есть своеобразное сочетаніе созерцанія и дѣйствія, въ которомъ личность можетъ найти для себя источникъ крѣпости и энергіи. Мы присутствуемъ при роковомъ процессѣ перерожденія личности, всегда образа высшаго бытія, во вновь образующіеся во времени коллективы, требующіе безконечно возрастающей ак-

тивности. Человѣкъ есть существо творческое, или образъ Творца. Но активность, которую требуетъ отъ человѣка современная цивилизація, есть въ сущности отрицаніе его творческой природы, ибо она есть отрицаніе самого человѣка. Творчество человѣка предполагаетъ сочетаніе созерцанія и дѣйствія. Самое различеніе созерцанія и дѣйствія относительно. Духъ существенно активенъ и въ созерцаніи есть динамическій элементъ. Мы приходимъ къ послѣдней проблемѣ, связанной съ духовнымъ состояніемъ современнаго міра, къ проблемѣ человѣка, какъ проблемѣ религиозной. Ибо въ мірѣ происходитъ кризисъ человѣка, не только кризисъ въ человѣкѣ, но и кризисъ самого человѣка. Дальнѣйшее существованіе человѣка дѣлается проблематическимъ.

Кризисъ человѣка нужно понять внутренне христіански. Только изнутри христіанства можно понять происходящее. Въ современной цивилизаціи пошатнулась христіанская идея человѣка, которая оставалась еще въ гуманизмѣ. Въ основѣ христіанства лежитъ богочеловѣческой, теоандрической миѣ (слово миѣ я употребляю не въ смыслѣ противоположномъ реальности, наоборотъ миѣ болѣе соотвѣтствуетъ реальности, чѣмъ понятіе) — миѣ о Богѣ и миѣ о человѣкѣ, объ образѣ и подобіи Божьемъ въ человѣкѣ, о вочеловѣченіи Сына Божьяго. Достоинство человѣка было съ этимъ связано. Полнота христіанскаго богочеловѣческаго откровенія съ трудомъ усваивалась грѣховной природой человѣка. И христіанское ученіе о человѣкѣ не было достаточно раскрыто, не было раскрыто въ жизни. Поэтому неизбежно было явленіе гуманизма на христіанской почвѣ. Но дальше произошелъ роковой по своимъ послѣдствіямъ процессъ. Началось и умственное и жизненное разрушеніе цѣлостнаго богочеловѣческаго христіанскаго миѣа. Сначала была отвергнута одна половина — миѣ о Богѣ. Но оставалась еще другая половина — миѣ о человѣкѣ, христіанская идея о человѣкѣ. Мы это видимъ, напр., у Л. Фейербаха. Онъ отвергъ Бога, но у него осталось еще богоподобіе человѣка, онъ не посягнулъ еще на человѣка, какъ не посягнули тѣ гуманисты, у которыхъ остается вѣчная природа человѣка. Но разрушеніе христіанскаго теоандрическаго миѣа пошло дальше: Началось разрушеніе другой половины — миѣа о человѣкѣ. Произошло отступничество не только отъ идеи Бога, но и отъ идеи человѣка. На человѣка посягнулъ Марксъ, на человѣка посягнулъ Ницше. Для Маркса высшей цѣнностью является уже не человѣкъ, а соціальный коллективъ. Человѣкъ вытѣсняется классомъ и создается новый миѣ о мессіанствѣ пролетаріата. Марксъ есть одинъ изъ исходовъ гуманизма. Для Ницше высшей цѣнностью является не человѣкъ, а сверхчеловѣкъ, высшая раса, человѣкъ долженъ быть превзойденъ. Ницше есть другой исходъ гуманиз-

ма. Такимъ образомъ происходитъ отреченіе отъ цѣнности человѣка, послѣдней цѣнности, уцѣлѣвшей отъ христіанства. Мы это видимъ въ такихъ соціальныхъ явленіяхъ, какъ расизмъ, фашизмъ, коммунизмъ, какъ идолатрія націоналистическая и идолатрія интернационалистическая. Мы вступаемъ въ эпоху цивилизаціи, которая отказывается отъ цѣнности человѣка. Отъ верховной цѣнности Бога отказались уже раньше. Въ этомъ сущность современнаго кризиса.

Процессы технизаціи, процессы поглощенія личности обществомъ, процессы коллективизаціи съ этимъ связаны. Всѣ возникавшія въ исторіи христіанства ереси, всѣ отпаденія отъ полноты и цѣлостности истины всегда ставили важныя и значительныя темы, которыя не были разрѣшены и должны быть разрѣшены изнутри христіанства. Но ереси, порожденныя современной цивилизаціей, совсѣмъ иныя, чѣмъ ереси первыхъ вѣковъ христіанства, это не теологическія ереси, это ереси самой жизни. Эти ереси свидѣтельствуютъ о томъ, что есть неотложные вопросы, на которые необходимо отвѣтить изнутри христіанства. Проблемы техники, проблемы справедливой организаціи соціальной жизни, проблемы коллективизаціи въ ихъ отношеніи къ вѣчной цѣнности человѣческой личности не разрѣшены изъ христіанства и по христіански, въ свѣтѣ христіанской богочеловѣческой истины. Не освящена творческая активность человѣка въ мірѣ. Кризисъ происходящій въ мірѣ есть напоминаніе христіанству о неразрѣшенныхъ задачахъ и потому онъ есть не только судъ надъ безбожнымъ міромъ, но и судъ надъ христіанствомъ. Основная проблема нашихъ дней не есть проблема о Богѣ, какъ думаютъ многіе, какъ часто думаютъ христіане, призывающіе къ религіозному возрожденію, — основная проблема нашихъ дней есть прежде всего проблема человѣка. Проблема о Богѣ есть вѣчная проблема, проблема всѣхъ временъ, она всегда первая и исходная, но проблема нашего времени есть проблема о человѣкѣ, о спасеніи человѣческой личности отъ разложенія, о призваніи и назначеніи человѣка, о разрѣшеніи основныхъ вопросовъ общества и культуры въ свѣтѣ христіанской идеи о человѣкѣ. Люди отвергли Бога, но этимъ они подвергли сомнѣнію не достоинство Бога, а достоинство человѣка. Человѣкъ не можетъ удержаться безъ Бога. Для человѣка Богъ и есть та высшая идея — реальность, которая конструируетъ человѣка. Обратной стороной этого является, что человѣкъ есть высшая идея Бога. Только христіанство разрѣшаетъ проблему отношеній человѣка и Бога, только во Христѣ спасается образъ человѣка, только въ христіанскомъ духѣ создается общество и культура, не истребляющія человѣка. Но истина должна быть осуществляема въ жизни.

Николай Бердяевъ.